

Глава I. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

*Верно определяйте слова, и вы освободите мир
от половины недоразумений.*

Рене Декарт.

1.1. ПОНЯТИЕ «ЛОКАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современные стандарты научности содержат требование точного и обоснованного выражения раскрываемых смыслов с помощью терминологического аппарата, состоящего из совокупности понятий¹, призванных непротиворечиво описывать и объяснять предмет изучения. Исследователь, желающий приблизиться к истине и быть адекватно понятым, выстраивает свои формулировки по характерным для его творческого почерка правилам: эпистемологическим, дисциплинарным теоретическим и методологическим, логическим и соответствующим мировоззренческим предпочтениям.

В развернувшейся на рубеже XX–XXI вв. системной перестройке исторического знания об обществе особую популярность приобрели концепции с такими ключевыми понятиями, как: локальная цивилизация, цивилизационный подход и теория локальной цивилизации. Первое понятие, и одновременно базовое, нередко ошибочно замещаемое полисемантической «цивилизацией» (что в значительной степени размывало представление о предмете исследования), употреблялось для обозначения масштабного в социальном измерении субъекта истории. Второе подразумевало наличие особого методологическо-

---

¹ «Понятие — есть мыслимое отражение объекта в его общих и существенных признаках. Понятие является рациональным отражением действительности, формой концентрированного знания» (Философия для аспирантов: Учебник / Под ред. И. И. Кального. 3-е изд., стер. — СПб.: Издательство «Лань», 2003. — С. 389).

го аппарата, а третье – совокупности аналитических конструкций, нацеленных на понимание и объяснение его (субъекта) генезиса.

В 1990 году, оценивая общий уровень осмысления интересующего нас понятийного аппарата, М. А. Барг заметил, что «несмотря на двухвековую историю, термин «цивилизация» так и не приобрёл самостоятельного категориального смысла»¹. Это заключение, по существу, обозначило исходное состояние в усвоении цивилизационных знаний в России накануне уже масштабного приобщения к ним представителей социогуманитарных наук.

В последующие двадцать лет в отечественной историографии, представленной трудами историков, философов, культурологов, социологов, экономистов, социологов и специалистов ещё многих дисциплин, появилось множество вариантов интерпретации базовых понятий, а также выстроенных на их основе терминосистем и аналитических конструкций². Тем не ме-

---

¹ Барг М. А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5. – С. 32.

² См.: Абросимова И. А. Методологическая роль понятия цивилизации в социально-философском исследовании: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2000. – 20 с.; Амелина Е. М. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня // Общественные науки и современность. – 1992. – № 2. – С. 94 - 102; Антипова Е. В. Понятие цивилизации в контексте социально-философского знания // Цивилизация и общественное развитие человека. Сборник статей / Отв. ред. Н. В. Клягин. – М.: ИФАН, 1989. – С. 48 - 57; Бромлей Н. Я. К вопросу о соотношении понятий «цивилизация» и «формация» (Полемические заметки) // Цивилизации. – Вып. 1. – М.: Наука, 1992. – С. 225 - 228; Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Понятие цивилизации // Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – С. 324 - 334; Гаджиев К. С. Понятие цивилизации // Гаджиев К. С. Геополитика. – М.: Межд. Отношения, 1997. – С. 40 - 51; Гринин Л. Е. Формация и цивилизация // Философия и общество. – 2000. – № 4. – С. 5 - 47; Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. – С. 10 - 55; Келле В. Ж. Цивилизация как социокультурное образование // Цивилизация. Культура. Личность. / Отв. ред. В. Ж. Келле. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 25 - 44; Клягин Н. В. Цивилизация как закономерность истории // Философия и общество. – 1998. – № 2. – С. 90 - 105; Кораев Т. К. Цивилизация: понятия, модели // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Серия 9. Востоковедение. – 2004. – № 1. – С. 24 - 43; Майоров Н. И.

нее к завершению первого десятилетия XXI в. сформировалось стойкое убеждение, которое озвучил И. Н. Ионов. «В результате статус теории цивилизаций, – утверждал он, – остаётся непрояснённым. Не до конца понятно, сохраняет ли эта теория позитивное значение для социально-исторического знания»¹. С ироничным подтекстом аналогичная мысль афористично была вынесена в название двух статей известного востоковеда Л. Б. Алаева². Высказывались сомнения в универсальности смыслов, которыми нагружались дефиниции. Ключевая терминология, отмечал Б. С. Ерасов, искусственно присоединяемая некоторыми авторами к различным понятиям (революция,

---

Категории «формация», «цивилизация», «культура» как базовые в описании и объяснении истории Древнего Востока // Майоров Н. Н. Введение в историю Древнего Востока. Учебное пособие. – Томск: Изд-во Томского университета, 2003. – С. 18 - 42; Мчедлова М. М. Понятие цивилизации: генезис, эволюция, методологическое значение // Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). К 70-летию профессора М. П. Мчедлова. – М.: РНИСиНП, 1998. – С. 17 - 29; Новикова Л. И. Понятие «цивилизация» и его познавательные функции // Цивилизация и культура в историческом процессе. Репринты докладов советских учёных к XVII Всемирному философскому конгрессу «Философия и культура» (Канада, Монреаль, 21-27 августа 1983 г.). – М., 1983. – С. 4 - 9; Новикова Л. И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизации. – Вып. 1. – М. [б. и.], 1992. – С. 9 - 26; Поляков А. Н. Цивилизация как социальная система: теория, типология и метод // Вопросы истории. – 2007. – № 11. – С. 52 - 63; Прокофьева Г. П. Становление категории «цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса: дис. ... канд. филос. наук. – Хабаровск, 2001. – 141 с.; Сайко Э. В. Цивилизация как системное выполнение исторического содержания социальной эволюции и носитель субъектных возможностей социума // Развитие цивилизации и Новый Свет: Первые Кнорозовские чтения: Материалы науч. конф., 20–21 окт. 1999 г. / Отв. ред. А. П. Логунов и др. – М.: РГГУ, 1999. – С. 15 - 18; Самусенко И. М. Понимание цивилизации как феномена культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 8. – С. 412 - 419; Шрейбер В. К. Понятие «цивилизация» в свете истории идей // Вестник Челябинского университета. – Сер. 1. – 2002. – № 2. – С. 5 - 35.

¹ Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. – С. 33.

² Алаев Л. Б. Где тонко – там и порвалось! // Новая и новейшая история. – 1996. – № 3. – С. 88 - 90; Алаев Л. Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 2. – С. 87 - 112.

прогресс и другим), стала утрачивать свою содержательную определённость¹.

Коллизия вокруг и внутри системы цивилизационных знаний, связанная с их теоретической неоформленностью, но востребованностью в политической и духовной жизни страны, нередко стимулировала авторитетных исследователей к поиску нетривиальных рекомендаций. Так, сопоставляя полярные аргументы, поддерживающие или отрицающие существование российской цивилизации как самостоятельного макросоциума, В. Э. Багдасарян предлагал прагматичный вариант завершения затяжной дискуссии. «Выходом из дефиниционного тупика, – писал он, – может послужить предложение абсолютной открытости «цивилизационного клуба». Цивилизациями должны быть признаны те историко-культурные общности, которые саморепрезентуются таковыми. Если, к примеру, Украина найдет основания для цивилизационной самоидентификации, – пусть будет украинская цивилизация. Чем шире окажется масштаб цивилизационной множественности, тем духовно богаче предстанет полицентричный традиционалистский мир»². Подобные «реверансы» авторитетного историка, возможно, актуальны в краткосрочной перспективе по политическим соображениям. Впрочем, польза от искусственного стимулирования амбиций национального самосознания народа, обладающего скромными социальными параметрами, по масштабам не соответствующими системности локальных цивилизаций, как её понимали и более основательно объясняли другие признанные специалисты, и их было большинство, уже вызывает сомнения.

Имела ли данная коллизия перспективу разрешиться в пределах существовавших когнитивных практик? Чтобы это

---

¹ Ерасов Б. С. Проблемы теории цивилизаций // Новая и новейшая история. – 1995. – № 6. – С. 184.

² Багдасарян В. Э. Цивилизационный альтерглобализм: традиционалистский проект // От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа. / Под общей редакцией С. С. Сулакшина. 2-е издание. – М.: Научный эксперт, 2006. – С. 122.

выяснить, следует ещё раз обратиться к анализу определений локальной цивилизации, отразивших концептуальные и дисциплинарные предпочтения, логику рассуждений исследователей и различные приёмы их структурирования. Изучение динамики исторического содержания интересующего нас терминологического аппарата непосредственным образом связано с учётом тенденций в отечественной историографической культуре, с её достижениями в области развития цивилизационных знаний в целом и причинами отсутствия дефиниций со смысловой достаточностью в частности, то есть в которых бы соблюдалось логическое соответствие между заявленным в определении уровнем системности субъекта и его информативностью.

В результате предварительного изучения источников интересующий нас историографический период был выделен как этап первоначального усвоения социогуманитарным сообществом уже накопленной в мировой науке суммы исторических знаний о локальной цивилизации, появления собственных аналитических конструкций, формирования предметных подходов к поиску смыслов ключевого понятия. Как оказалось, усвоению указанной проблематики наилучшим образом соответствовала историческая риторика, располагавшая универсальным языком и категориями, на основании и с помощью которых учёные экспериментировали с различными схемами дефиниций и выделяли наиболее значимые признаки определяемого. Ясно, что обществоведам при выборе методологической стратегии, которая бы позволила «не впасть в грех» сотворить недосказанность, однобокую трактовку, или стать автором очередной мифологемы, в первую очередь следовало бы руководствоваться основными принципами онтологии, призывавшими к полноте описания явления (процесса), к согласованности используемых постулатов и логической выводимости всех следствий из первоначальных формул¹.

---

¹ Блюхер Ф. Н. *Философские проблемы исторической науки*. – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 109 - 110.

В условиях «безбрежного»¹ плюрализма исследователи создавали дефиниции, показавшие не только взаимную разобщенность в теоретическом и мировоззренческом плане, но и следование общему вектору – видеть в определяемом целостность, но обозначать её различными наборами признаков, с помощью которых, как правило, вырабатывалось недостаточно исчерпывающее или нечёткое, а порой и эклектичное понимание цивилизации. Перспектива получить менее искажённые представления о приёмах составления и содержании смыслов, вложенных в существующие дефиниции открывается, на наш взгляд, в переосмыслении сложившихся семантических полей ключевых понятий с помощью конкретно-исторических методов (историко-сравнительного, историко-типологического и историко-генетического) – проверенного инструментария исторического познания.

Поставим задачу реализовать эти возможности на базе одной из полидисциплинарных технологий – вероятностно-смыслового подхода, разработанного О. Г. Дукой в целях выявления в концепциях истории методологических компонентов историософского и иных предметных уровней. Основу подхода составляет понимание исторического процесса как семиотической системы, расшифровка которой осуществляется универсальным для этого случая языком герменевтики, позволяющим сопоставить многозначные планы значений теорий и гипотез². Внимание учёного к последним концентрируется в первую очередь на терминах. Следуя моррисовской семиотической триаде, он обращает внимание на принципы построения, а именно: область синтаксического анализа; наделения смыслами (область

---

¹ Смоленский Н. И. Заключительное слово // Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – С. 82.

² Дука О. Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примере российской историографии). – Омск: Изд-во ОмГАУ, 2001. – С. 10 - 14.

семантического анализа) и стратегии использования в тексте, где в сочетании с другими словами ключевое понятие приобретает новое содержание.

Теоретическое обоснование вероятностно-смысловой подход получил благодаря синтезу выбранных автором эпистемологических схем, в прагматической части взаимодополнявших и расширявших объясняющие возможности каждой. Среди них – концепция Ю. М. Лотмана о динамической семиотической системе, обосновывающая оптимальные (на современном уровне научных знаний) преимущества принципа структурного описания объекта через выделение составляющих его элементов и связей. В частности, им были учтены закономерные условия снижения внутренней информативности семиотической системы по мере возрастания её упорядоченности. При этом, как нам представляется, эффективным инструментом контроля над тем, как соблюдались смысловые пропорции между указанными элементами и связями, может быть выявление между ними логического соответствия, законы и условия которого аксиоматичны, следовательно, конвенционально могут быть признаны объективными в качестве основы для сопоставления дефиниций с позиций формальной логики.

Сопоставление определений по другим основаниям (концептуальным, предметным и другим) указывает на их разнообразие в более узком коридоре значений особенных форм и содержания. При этом расширяется кругозор в понимании многоуровневой системности локальной цивилизации, но поиск смысловой достаточности дефиниции превращается в предмет перманентных дискуссий об интеллектуальных предпочтениях.

Методику, предназначенную для анализа различных интерпретаций термина «локальная цивилизация», целесообразно дополнить функционально-стилистическим подходом, представляющим собой поиск присущих конкретному умозаключению стилевых черт (логичности, последовательности повествования, ясности изложения) и стилевых средств (языковой спе-

циффики синтаксического уровня)¹. Из сказанного следует, что недостатки той или иной дефиниции в семантическом строе можно определить по соответствию авторских приёмов варьирования смыслами нормативам научного стиля речи.

*Гносеологические пределы дефиниций понятия цивилизации
по Б. С. Ерасову*

В функционально-содержательном плане глубина разработки понятийного аппарата зависела от методологического инструментария, которым располагал тот или иной автор: от его способности «видеть» как очевидные, так и непосредственно не наблюдаемые специфические свойства того или иного общества; от нацеленности на проведение аналогий, параллелей и других аналитических операций; от усвоенной техники построения логически безупречных умозрительных конструкций. Отмечая необходимость введения в историографию цивилизационного подхода, М. А. Барг высказал убеждение в том, что «придавая термину «цивилизация» парадигмальный смысл вместо описательного, историческая наука приобретает познавательную призму, сквозь которую общество выступает как всеобъемлющая макросистема, и притом в человеческом (субъективном) плане не абстрактно-обезличенной, а подлинно-исторической и конкретной»².

В рассматриваемый период изыскания многочисленных сторонников этой точки зрения начинались с анализа встреченных в литературе версий определения базового понятия. Наиболее полная систематика концептуальных подходов, которые когда-либо использовались для его осмысления, была со-

---

¹ Артамонов В. Н. Функционально-стилистический анализ текста: Учебное пособие. – Ульяновск: УлГТУ, 2004. – С. 5; Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2008. – С. 18.

² Барг М. А. Цивилизационный подход к истории: дань конъюнктуре или требование науки? // Цивилизации. – М.: «Наука», 1993. – Вып. 2. – С. 14 - 15.

ставлена Б. С. Ерасовым и опубликована в фундаментальном труде, вышедшем в свет после смерти философа. По характеру содержания было выделено 9 групп интерпретаций¹, в соответствии с которыми цивилизация представлялась в виде определённого типа общества, а именно:

- общество вообще,
- общество как продукт взаимодействия с природой,
- общество как продукт разделения труда,
- городское общество,
- общество с либеральными ценностями,
- материальная сторона человеческой деятельности,
- качественная специфика крупномасштабного общества,
- социокультурная общность,
- совокупность общих характеристик и достижений человечества.

Борис Сергеевич отдавал предпочтение следующей формулировке: «Цивилизация как социокультурная общность, формируемая на основе универсальных, т.е. сверхлокальных ценностей, получающих отражение в мировых религиях, которые составляют целостные системы социокультурной регуляции, включая подсистемы морали, права, искусства, философии и т.д.»². В определении преобладали нормативные признаки, ставшие в 1990-е гг. визитной карточкой нового для отечественной мысли культурологического подхода и созданных на его основе цивилизационных концепций, выступавших в качестве антитезы формационному редукционизму.

В отношении каждой из выделенных групп были обозначены пределы познавательных возможностей, обусловленные в основном двумя факторами: дисциплинарными и концептуальными предпочтениями. В дефинициях, по мнению Б. С. Ерасова, внимание исследователей фокусировалось на одном из двух моментов: либо на отдельных (или на определённых

---

¹ Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. – С. 19 - 36.

² Там же. – С. 33.

ной совокупности), с их точки зрения, показательно характеризующих звеньях духовной или материальной сферы; либо на основе их противопоставления.

Признаки «нерезультативности» узко предметного ракурса в изучении цивилизации убедительно выразил В. Ф. Шаповалов, отметивший, что «его модификации неизбежно огрубляют реальность, чрезмерно упрощают и схематизируют её. Это связано, в частности, с тем, что монистический подход ставит перед собой неразрешимый в общем виде вопрос – о первичности одного фактора и вторичности, подчинённости других»¹.

Концептуальные предпочтения свидетельствовали о приверженности авторов тому или иному типу рациональности. Для некоторых этот момент был неявным (интуитивным), но служил серьёзным препятствием для взаимопонимания с коллегами по указанной выше проблематике, в том числе и по поводу базового понятия².

Присутствовавшие в историографии многочисленные варианты типологии определений цивилизации, выполненные исследователями до и после Б. С. Ерасова, кроме дополнительных подтверждающих аргументов и особого порядка построения описательной части, являлись её аналогом в усечённом виде³. Обилие дефиниций не могло заслонить собой дефицит

---

¹ Шаповалов В. Ф. Россияведение: Учебное пособие для вузов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – С. 28.

² Эту мысль развивал И. Н. Ионов: Ионов И. Н. Теория цивилизации и неклассическое знание (Социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций). – С. 141 - 155.

³ Антипова Е. В. Указ. соч. – С. 48 - 57; Василенко Ю. В. Соотношение формационной и цивилизационных концепций исторического процесса: дис. ... канд. филос. наук. – Пермь, 1999. – С. 3 - 5; Гудожник Г. С. Цивилизации: развитие и современность // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 33 - 40; Каверин Б. И., Сустанов В. П. Современная теория цивилизации: к определению исходного понятия // Право и образование. – 2012. – № 6. – С. 106 - 117; Каньшин А. Н. Российская цивилизация во взаимодействии поколений: социально-философская концепция: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005. – С. 31 - 51; Катаева О. В. «Цивилизация» – вечный поиск денотата // Методологические проблемы творческой деятельности / Под ред. А. Н. Лоцилина, Н. П. Францужовой. – М., 2005. – С. 87 - 93; Королёва Л. Г. Культурно-

конструктивных предложений по изысканию всех устраивающих универсальных смыслов, как известно, выступающих важным условием для трансформации идеи в теорию. Более того, были упрёки по поводу ошибочности такой постановки вопроса как бесперспективной, типичной для классической науки, хотя она характерна и для нео-(постне) классики¹.

цивилизационная идентичность России: (история, сущность, перспективы). – М.: Курский гос. ун-т, 2005. – С. 20 - 33; Лубский А. В. О методологии изучения локальных цивилизаций // *Historia – magistra vitae*. Межвузовский сборник научных трудов, посвящённый 60-летию профессора А. А. Аникеева. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 21 - 37; Мчедлова М. М. Цивилизация // *Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь* / Ред. кол.: М. П. Мчедлов и др. – М.: Республика, 2001. – С. 486 - 490; Найдыш В. М. Цивилизация как проблема философии истории // *Основания цивилизации: философский анализ* / Отв. ред. В. М. Найдыш. – М.: СигналЪ, 2001. – С. 9 - 147; Пестерев В. Н. К вопросу систематизации значений понятия «цивилизация» [Электронный ресурс] // *Социальные процессы в современной Западной Сибири. Сб. статей.* – Горно-Алтайск, 2002. – URL:<http://e-lib.gasu.ru/konf/SocPr/2002/sp42.shtml> (дата обращения 25.11.2009); Поляков А. Н. Цивилизация как социальная система: теория, типология и метод // *Вопросы истории.* – 2007. – № 11. – С. 52 - 63; Прокофьева Г. П. Становление категории «цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса: дис. ... канд. филос. наук. – Хабаровск, 2001. – С. 14 - 67; Самусенко И. М. Российская цивилизация: социокультурные аспекты анализа: автореф. ...дис. канд. филос. наук. Ставрополь, 2009. – С. 14 - 16; Семенникова Л. И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России. – С. 32 - 35; Субетто А. И. Российская цивилизация и экономические законы ее развития // *Журнал правовых и экономических исследований.* – 2008. – № 1. – С. 12 - 13; Яковлев И. А. История человечества: история отношений человека и природы как цивилизационный процесс. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 131 - 149.

¹ В научной литературе, согласно В.С. Степину, принято использовать понятие «постнеклассический тип рациональности». Само слово «постнеклассический» содержит смысловую неопределённость, и у исследователей закономерно возникают вопросы: «а что же после?» и «означает ли это отрицание неклассики, и тем более – классики?». Аналогичные вопросы историки себе задают, пытаясь вникнуть в содержание понятия «постсоветский». В этой связи мы используем словосочетание «нео-(постне) классический тип рациональности». Оно конечно более громоздко, но кажется более определённым, так как обращено к традициям всех типов рациональности, которые востребованы через синтез их познавательных установок, социогуманитарного и естественнонаучного знания и других эпистемологических параметров, присущих им.

На этом фоне компромиссным вариантом объяснения дефиниционного тупика явились рассуждения И. Н. Ионова о высокой лабильности термина, в котором «в течение двух с половиной веков, включая и рассматриваемый период, спрессовывались оказавшиеся затем нестойкими ранее вложенные смыслы. По мере накопления фактического материала и осознания в череде обновляющихся концепций, его содержание прирастало новыми интерпретациями признаков и свойств (*термин* – Н. М.)... становиться сложнее и многомернее, – и десятилетия спустя выясняется, что прежние попытки «ниспровержения» делают парадигмальное понятие только устойчивее в новых теоретических бурях»¹.

На основании вышеизложенного можно заключить, что в результате анализа версий понятия «цивилизация», взятых из зарубежных и отечественных источников, Б. С. Ерасовым была установлена последовательность появления новых историко-социологических и историко-культурных смыслов, обусловленная этапами общего процесса концептуализации социогуманитарных знаний. Однако с введением в научный оборот новых значений прежние оставались также востребованными, удовлетворяя частные методологические запросы интеллектуалов. В итоге уже в 1990-е гг. понятие цивилизации оказалось семантически перегруженным и его использование без специальных оговорок не только существенно усложняло научный диалог, но нередко делало невозможным.

Для обоснования этого приёма мы использовали выводы из докторской диссертации известного специалиста по исторической эпистемологии А. В. Лубского «Альтернативные модели исторического исследования». Он выделил признаки неоклассической модели исторического исследования, которая стала формироваться в конце XX в. в рамках постнеклассической рациональности с характерным критическим, реалистско-синкретическим стилем исторического мышления (Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. – М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2004. – С. 335).

¹ Ионов И. Н. Цивилизация: эволюция смыслового содержания понятия и его литературного контекста. – С. 65.

Определения российской цивилизации как стадии (ступени, фазы, этапа)

Сосуществование двух стратегий описания сущности российской цивилизации в виде общества как системы в общесоциологическом срезе и крупной локальной общности как социально-биологического организма разделило дефиниции на две группы.

Первая стратегия базировалась на механистическом понимании цивилизации в контексте теории всемирной истории и родственных с ней теорий: формационной, постиндустриального общества и других¹. Она представлялась наиболее развитой ступенью социальной системности. Идейнными истоками данной познавательной традиции служили популярные во второй половине XIX в. суждения о стадиях развития человечества, извлечённые из трудов А. Фергюссона, Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса².

Вторая стратегия появилась в связи с осознанием человечества субъектом биосоциальной эволюции, имеющего специфичные проявления в масштабе этнических сообществ, у которых глубинные причины своеобразного течения социальных процессов следовало искать не только в событиях социальной истории, но и в тесной взаимосвязи с окружающей природной средой³. Её родоначальником в отечественной науке был

---

¹ Курцев А. Н. Глобальные цивилизации и локальные цивилизации: универсальность и альтернативность истории // *Нестор. Историко-культурные исследования*. – Вып. 3. – Воронеж, 1995. – С. 5 - 12; Осипов Н. Е. Формационный и цивилизационный аспекты анализа категории «производительные силы общества» // *Философия и общество*. – 2004. – № 2. – С. 80; Семёнов Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // *Философия и общество*. – 1997. – № 1. – С. 160 - 161.

² См.: Фергюссон А. *Очерк истории гражданского общества* / Пер. с англ. И. И. Мюрберг. – М.: РОССПЭН, 2000. – 391 с.; Энгельс Ф. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – С. 19 - 25, 163 - 185.

³ См.: Кожурин Ю. Ф. *Цивилизационная идентификация социокультурной системы региона: автореф. дис. ... д-ра филос. наук*. – Саранск, 2004. – С. 10,

Н. Я. Данилевский¹, широко использовавший терминологию естественных наук.

Для выяснения логики дефиниций, представлявших цивилизацию как социальную систему в стадильном плане, обратимся к трудам некоторых авторитетных по этой тематике специалистов: А. С. Ахиезера, А. М. Ковалёва и Л. И. Семенниковой. Выбор пал на докторов наук, внёсших значительный вклад в развитие исторического знания о российской цивилизации, чьи идеи и элементы методологии были восприняты в научном творчестве большой группой учеников и последователей, а определения часто цитировались.

Большой резонанс в гуманитарной среде произвёл новаторский для 1990-х гг. подход сквозного объяснения событийной истории России, осуществлённый А. С. Ахиезером в структурно-антропологических схемах² и с позиций линейной модели модернизации. Его концепция выстраивалась на противопоставлении традиционного (архаичного) с современным (либеральным) в логике «преодоления противоположности полюсов дуальной оппозиции в акте осмысления, в акте воспроизводства»³.

Как одно из ключевых автор активно использовал понятие «цивилизация – основная типологическая единица человеческой истории. В основе типологии лежит практическое и духовное отношение человека к самому себе, к своему развитию,

---

12; Найдыш В. М. Цивилизация как проблема философской антропологии // Человек. – 1998. – № 3. – С. 40 - 49; Плюснин Ю. М. Проблема биосоциальной эволюции: теоретико-методологический анализ. – Новосибирск: Наука, 1990. – 240 с. и другие.

¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

² См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 799 с.

³ Матвеева С. Я. Социокультурная теория для не-западного общества // Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т. 1. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – С. 14 - 16.

т.е. уровень рефлексии, что выражается, прежде всего, в способности к самоизменению. Можно выделить две основные цивилизации: традиционную и либеральную. Кроме того, существует промежуточная цивилизация»¹. Проведём анализ цитаты, для чего с целью поиска нити логической согласованности употреблённых смыслов используем элементы вероятностно-смыслового подхода О. Г. Дуки.

В данном определении объект соотнесён с понятием «типологическая единица» пока неясной субстанциональной природы и наделён двумя предикатами, то есть элементами, выражающими свойства. Первый предикат указывал на статус упомянутой типологической единицы как основной. Второй был сориентирован на человеческую историю.

Учитывая безмерность второго предиката, исследователь конкретизировал его с помощью выделения основного звена. Для этого перешёл с предельно широкого уровня обобщения на один из первичных – на уровень ранжирования возможных разновидностей самосознания модальной личности² с практическим (вторая неопределённость) и духовным отношением к себе, к своему развитию. В нечётких семантических контурах текста угадывался предлагаемый путь его дешифровки через оценочное противопоставление идеалов традиционного общества (уравнительность, самоограничение) идеалам либерального (развитие, прогресс)³.

Затем Александр Самойлович в завершающей части дефиниции ввёл группу понятий – традиционная, либеральная и

---

¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. III. Социокультурный словарь. – М., 1991. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/ahiez/09.php (дата обращения 09.10.2010).

² Модальная личность (англ. modal personality от mode) – термин психологической антропологии для обозначения наиболее распространенного (типичного, репрезентативного) типа личности в данной социокультурной среде (Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. 3-е изд. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 270)

³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. – С. 247, 509.

промежуточная цивилизации, подразумевая, что ответ на вопрос: «На каком основании первые два имеют более высокий статус как основных?» – ясен и не может вызывать сомнений.

В целом использованные в определении смыслы соответствовали логике авторской концепции истории России. Так, её сторонник – историк С. Я. Матвеева пояснила происхождение некоторых априори: «Традиционная и либеральная цивилизации, по А. С. Ахиезеру, предстают не как локальные и несравнимые, но как сравнимые по единому воспроизводственному критерию, как соподчинённые стадии мирового исторического процесса, формы и этапы самого развития человечества»¹. В качестве более совершенной стадии был назван либеральный вариант. На одном из «круглых столов» с участием историков и философов, проведённом в 1992 г., И. Н. Ионов отметил вероятность невосприимчивости отечественными историками-практиками авангардной методологии автора, выходящей за пределы традиционного научного мышления и понятийного аппарата².

Впоследствии А. С. Ахиезер неоднократно обращался к ранее озвученному определению и экспериментировал с уточнением его смыслов³, но при этом остался верен ранее избранной методике составления дефиниции. Исходные признаки определяемого представляли собой несоразмерные уровни исторических обобщений, базирующиеся на авторском постулате об идентификации той или иной цивилизации по параметрам духовного развития человека.

В рассматриваемый период были востребованы традиции позитивизма в исторической науке, в соответствии с которыми

---

¹ Россия – расколота цивилизация?.. «Круглый стол» учёных // Отечественная история. – 1994. – № 4-5. – С. 26.

² Россия: критика исторического опыта. «Круглый стол» ученых // Общественные науки и современность. – 1992. – № 5. – С. 142.

³ Ахиезер А. С. Специфика исторического пути России // Дружба народов. – 1995. – № 1. – С. 115; Ахиезер А. С. Российская цивилизация: Специфика массовых решений // Философские науки. – 2004. – № 6. – С. 6.

в дефинициях желательно было перечислить наиболее значимые внешние и внутренние, материальные, духовные и другие признакообразующие обстоятельства, характеризующие цивилизацию. С данной позиции Л. И. Семенникова в своей реинтерпретации истории России, руководствуясь гипотезой о чередовании во времени волн модернизации, а также идеей о синхронном замещении укладов («почвенного» и «западного»), переопределила последние из культурных (по В. О. Ключевскому) в цивилизационные¹.

Цивилизация была понята как «способ жизнедеятельности общества (или способ существования), который определяется наиболее общими факторами: географическая (или природная) среда; система ведения хозяйства (экономика); социальная организация; духовные ценности (религия, идеология) и культура; политическая система; ментальность; особенности эпохи (или эпох), в которой цивилизация существует»². В процитированной дефиниции объект обозначен полисемантическими словосочетаниями (способ жизнедеятельности, способ существования), взятыми из обыденной хозяйственной лексики. Её индуктивная форма, подразумевающая наличие между названными факторами причинно-следственных связей, на первый взгляд могла показаться в смысловом плане достаточной. Но при отсутствии в этом перечне признака масштабности определяемого можно допустить, что способ жизнедеятельности любого по размерам сообщества претендует называться цивилизацией. Как видим, дефиниция, вопреки своему предназначению, потенциально была направлена на умножение сущностей.

Определение в версии А. М. Ковалёва было ориентировано на учёт состояния ресурсной базы социума, так как цивилизации «представляют собой разновидности способа производства

---

¹ Семенникова Л. И. Цивилизационные парадигмы в России. Статья 1 // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 5. – С. 107 - 119; Статья 2. // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 6. – С. 44 - 57.

² Семенникова Л. И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России. – С. 33.

общественной жизни, взятые в горизонтальном плане...с различием энергетических потенциалов этносов, их неодинаковой способностью к самовоспроизведению и совершенствованию»¹. В центре дальнейших рассуждений, выстроенных на языке и в логике политэкономии, оказались формы адаптации человека и его общества к природной среде, обусловившие, по мнению автора, существование собирательной, земледельческой и промышленной цивилизаций². Однако этому умозаключению в концептуальном плане противоречило другое утверждение – о наличии других разновидностей цивилизации: европейской, азиатской, евразийской, африканской. Как минимум, двойное несоответствие (сведение процесса социальной адаптации преимущественно к его экономическим формам и раздвоение типологии субъекта исследования) заставляло вдумчивого читателя предположить, что процитированная дефиниция представляла собой промежуточный результат авторских изысканий.

Рассмотренные методики были усвоены учёными, которые, говоря словами И. Н. Ионова «пытались воспроизвести в концепции цивилизаций формационную стадиальную схему или воспроизводили привычное деление исторического мира по принципу Запад – Восток (читай: развитие – застой, общее – особенное, системное – несистемное и тому подобное)»³. На отсутствие формальных критериев для выделения цивилизационных стадий указывал Ю. Н. Мельников⁴. Авторы, по его мнению, активно использовали «территорию» других аналитических макромоделей истории: формационной, модернизацион-

---

¹ Ковалёв А. М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 1. – С. 101 - 102.

² Ковалёв А. М. Промышленная цивилизация и судьба России: Идеи, развития, гипотезы. – М.: Изд-во «ЧеРо», 2003. – С. 10, 20, 25.

³ Ионов И. Н. Рецензия. Л. И. Рейснер. *Цивилизация и способ общения*. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1993. – 307 с. // *Восток*. – 1994. – № 2. – С. 185.

⁴ Мельников Ю. Н. *Циклическое развитие общественных систем в России*. – Ульяновск: Симбирская книга, 2005. – С. 36.

ной, всемирно-исторической, мир-системной. В данном «рамочном» положении цивилизационный контекст, обслуживая «чужие» проблемные поля, терял самостоятельное познавательное значение. По существу, речь шла о том или ином этапе развития социальных технологий, о которых писал А. И. Ракитов¹, гарантировавших стабильность общества на определённом отрезке его истории.

Определения локальной цивилизации

Рассмотрим особенности определений цивилизации, сформулированных в рамках «органистической» исследовательской стратегии, в которой, как заметил В. В. Исламов, отвергая однолинейность исторического развития, провозглашался принцип мозаичности человечества, выступающего в виде живых специфических организмов, не отождествляемых с гражданским обществом². Внимание интеллектуалов к данной стратегии в рассматриваемый период всегда было повышенным. В трудах большинства её последователей превалировали описательные дефиниции базового понятия, так как требовались дополнительные пояснения, уточнения, проведение экскурсов в смежные темы и науки, поиск опоры на идеи, рождённые в междисциплинарном пространстве, что в целом объяснялось необходимой адаптацией к гуманитарному тексту языка и аналитики естествознания. Типичным представляется подход В. М. Найдыша, получивший своё развитие в серии публикаций.

---

¹ Согласно А. И. Ракитову, в широком философском смысле технологии, характерные для определённого отрезка истории, представляют собой динамичную, иерархически построенную, полиструктурную, культурно и социально обусловленную функционирующую систему (Ракитов А. И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. – 1992. – № 5. – С. 7).

² Исламов В. В. Евразийская цивилизация: социально-онтологические и методологические аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2002. – С. 10 - 11.

Так, согласно автору, исходной «клеточкой» цивилизации как общности является социальный организм: «это постоянно воспроизводящаяся ячейка всемирно-исторического процесса, исторически представленная родовой общиной, племенем, государством в разных его исторических типах»¹. Лейтмотивом рассуждений, выстроенных на стыке истории, философии, биологии и социологии, являлась мысль о том, что многообразие форм общения и социальных структур, наблюдаемых и в биологическом мире, и в человеческом обществе, базируется на едином каркасе из немногих основополагающих типов отношений между организмами в своём сообществе, и на немногих универсальных инвариантах биосоциальной организации².

Были выделены четыре группы отношений, которые в перечне базовых факторов исторической динамики, составленном Н. С. Розовым, отнесены к психосфере: стремление к членству в сообществе себе подобных; стремление к высокому статусу, власти и собственности; развитие потребностей; поисковая и конструктивная активность³.

В итоге В. М. Найдыш заключил, что проявление указанных отношений в конкретных экологических или климатических условиях порождает различия в этногенезе, в этнических архетипах, «а затем и в формировании цивилизации как вида общности людей»⁴. Таким образом, не преследуя цель лаконично сформулировать дефиницию, он сосредоточился на конкретизации консолидирующего субстрата, скрытого в психологии больших коллективов.

---

¹ Найдыш В. М. Цивилизация как проблема философской антропологии. – С. 40.

² Найдыш В. М. Проблема оснований цивилизации как метаэтносоциокультурной общности // Основания цивилизации: философский анализ / Отв. ред. В. М. Найдыш. – М.: СигналЪ, 2001. – С. 157.

³ Розов Н. С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. – М.: Логос, 2001. – С. 127 - 128.

⁴ Найдыш В. М. Цивилизация как проблема философской антропологии. – С. 44.

Не вызывает сомнений, что разработка биосоциальной проблематики и её ведущая роль в осознании феномена локальной цивилизации усиливала внимание гуманитариев к эволюционной составляющей общества как биологической системы, традиционно угнетаемой критиками географического детерминизма, ставшей в советской историографии фигурой умолчания. Представителями этносоциологии природное начало в социальном организме обнаруживалось через понимание этничности как «переживание групповой идентичности и солидарности, формирующееся первоначально на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения «нас» с «не-нами» в ходе межгруппового взаимодействия в этносоциальном пространстве»¹.

Может показаться близкой по содержанию дефиниция Э. С. Кульпина, в фокусе социоестественной истории определившего локальную цивилизацию «как процесс развития (жизненный путь) суперэтноса, протекающий в одном и том же канале эволюции, границами которого являются представления людей о мире и о себе»². Но чтобы понять предложенный ход мысли, следовало обратиться к идеям автора о генетическом социокоде³ – о сложном наследуемом механизме мышления и поведения, попытки перекодировки которого (если они вообще возможны) в силу различных обстоятельств неизбежно, по мнению автора, ведут к кардинальным внутренним переменам. Содержание дефиниции в целом было созвучно процити-

---

¹ Сикевич З. В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. II. – № 2. – С. 72.

² Кульпин Э. С. Феномен России в системе координат социоестественной истории [Электронный ресурс] // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Сборник статей / Ред.-сост. С. Б. Чернышев. – М.: Аргус, 1995. – Т. 1. – URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kulpin.htm/kulpin.htm> (дата обращения 15.09.2010).

³ Кульпин Э. С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 1. – С. 207; Кульпин Э. С. Природа и общество // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь / Ред. кол.: М. П. Мчедлов и др. – М.: Республика, 2001. – С. 319.

рованным выше смыслам культурологического определения Б. С. Ерасова и несло в себе новую порцию информативности за счёт понятия «суперэтнос».

Таким образом, в рассматриваемый период в отечественной историографии конкретизировалось общее представление о локальной цивилизации, облакаемое смысловыми фигурами, взятыми из трудов разработчиков «органистической» исследовательской стратегии. Процесс концептуализации данной области знаний осуществлялся в междисциплинарном пространстве социогуманитарных и естественных наук, появилась практика составления дефиниций основного понятия. Среди признаков данного типа сообщества, конкретизированных с помощью терминологии естественных наук, превалировали ценностные императивы, пока малоизученные, но как считалось – предвосхищавшие в истории социума направления трансформации духовной (в первую очередь) и иных сфер жизнедеятельности. Как видим, понимание локальной цивилизации в содержательном плане у различных авторов отличалось смысловым разнообразием, отсутствием очевидных лакун неизвестного, но эффект неопределённости присутствовал вследствие новизны самого предмета исследования и несовершенства сравнительно молодой практики систематизации знаний о нём, почерпнутых из исторических и смежных наук.

Опыт построения классической дефиниции

По убеждению одного из ведущих специалистов в области теории научного познания – Л. А. Микешиной, в дефиниции оптимальные пропорции между структурой и содержанием моделируются в первую очередь логическими приёмами¹. Известна методика построения определений в классическом варианте через ближайший род и видовое отличие, дающие более точ-

---

¹ Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. – М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005. С. 425.

ные соотношения понятий по объёму. В частности, постулировалось суждение о том, что «вообще всякая наука стремится к тому, чтобы скомпоновать всю совокупность своих понятий в единую систему, составленную из нескольких последовательно нисходящих родовидовых ярусов: самые фундаментальные понятия разветвляются на некоторое число видов, те в свою очередь дробятся на подвиды и так далее»¹.

Если руководствоваться указанным умозаключением, то в иерархии социальных систем следующим верхним для локальной цивилизации родовидовым ярусом является человечество в целом. Используемый в концепциях органистической стратегии набор смысловых фигур был достаточен, чтобы корректно в отношении устоявшихся исторических знаний определить *локальную цивилизацию как часть человечества, проживающую в пространстве и во времени суперэтнуса, объединённую комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации.*

В представленной дефиниции центральное понятие выступает как категория, имеющая самостоятельное познавательное значение и «работающая» в собственном проблемном поле. Философские категории пространства и времени структурируют основные направления осмысления исторического и иного содержания других групп понятий, характеризующих уже суперэтнос², а также феномены социального мышления и самоорганизации общества.

---

¹ Попов Ю. П. Логика. Часть 1. – Владивосток: ДГУ, 1999. – С. 24; Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – С. 247 - 248.

² Современные представления о феномене суперэтнуса получены с помощью географического подхода Л. Н. Гумилёва, согласно которому – это «этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, проявляющаяся в истории как мозаичная целостность», и культурно-исторического подхода Э. Т. Майбороды, определяющей суперэтнос в виде системы этносов, возникающей на основе государственно-политических и культурологических факторов, ведущей к появлению двойного идентификационного самосознания, что закрепляется в самоназвании (этнониме). «Суперэтнос как системное образо-

Так, в отношении социального мышления на следующем понижающейся линии уровне представители когнитивных наук различали его типы: религиозное, экономическое, политическое, обыденное, научное, эстетическое, культурно-символическое, психический склад этноса и другие¹, синтезирующие в духовной сфере уникальный опыт поколений. А в историко-социологических знаниях традиции самоорганизации связывались с территориальными формами расселения людей, технологическими укладами, способами производства, моделями государственного и иного управления, социальным строем и бытовым укладом. В их пространственных и временных конфигурациях материализовывались общие черты и особенные свойства каждой из локальных цивилизаций, которые в целом небезуспешно на рубеже XX–XXI вв. обнаруживали отечественные и зарубежные интеллектуалы.

Очевидно, нижней ступенью рассматриваемой родовидовой лестницы является семья/род как этническая единица, выполнявшая функции воспроизводства потомства и передачи новым поколениям навыков деятельности, ценностного ощущения месторазвития (термин П. Н. Савицкого) в образе Родины и других устойчивых стереотипов, выработанных предками в течение длительного периода адаптации в конкретной природной и социальной среде.

Как видим, дефиниция локальной цивилизации в классическом варианте выгодно отличается своей информативностью о сложной системности определяемого, подразумевая тем са-

---

вание соответствует ряду критериев, присущих сложной системе: функциональность, целостность, эмерджентность, автономность существования, объективность границ, интегрированность». (Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 546; Майборода Э. Т. Феномен суперэтноса: Философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 1998. С. 11).

¹ См.: Абульханова К. А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. – С. 88 - 90; Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: Курс лекций. – М.: Изд-во Экзамен, 2002. – С. 135.

мым её открытость для конкретизации по принципу дополненности уже в рамках других предметных и концептуальных подходов.

1.2. ПОНЯТИЕ «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД»

Одним из подготовительных этапов любого научного проекта, определяющим его содержание и направленность, является выбор (разработка) исследовательской стратегии, нередко ассоциирующейся с методологическим подходом. В 1990-е гг. в отечественной историографии стал использоваться и обрёл имидж мэйнстрима цивилизационный подход, который оценивался как необходимый компонент в аналитическом аппарате понимания (объяснения) феномена локальной цивилизации. Авторы, провозглашая свои намерения по поводу руководства указанным инструментарием, не поднимали проблемы дефиниции, но при удобном случае ставили перед собой цель продемонстрировать его познавательные возможности в широком историческом и теоретическом контекстах.

Цивилизационный подход нередко отождествлялся с одноимённой концепцией или теорией¹, а его интерпретации представляли собой описание набора принципов, актуальных для конкретного исследователя. На основании вышеизложенного поставим задачу с помощью историко-генетического метода выяснить, каким образом формировался смысловой объём понятия «цивилизационный подход» и в какой структурно-содержательной форме имел перспективу оправдать своё предназначение как предполагаемого эффективного инструмента-

---

¹ См.: Абросимова И. А. Методологическая роль понятия цивилизации в социально-философском исследовании: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2000. – С. 7; Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебное пособие для вузов. – Брянск: Курсив, 2000. – С. 10.